

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXVIII
ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

1994

И. А. Осницкая

Д. А. ОЛЬДЕРОГТЕ (НАЧАЛО ПУТИ)

Выше всех других оценок своей работы Д. А. Ольдерогте ставил слова английской исследовательницы, этнографа Мери Холсуорт, что он является представителем знаменитой петербургской школы востоковедов. Это на самом деле так. 65 лет своей большой творческой жизни Дмитрий Алексеевич был тесно связан с Университетом и с петровской Кунсткамерой — Музеем и Институтом этнографии Академии наук СССР. Он пришел в Ленинградский университет с направлением после демобилизации из Красной Армии. Шутил, что в бумагах было написано: "При сем направляется демобилизованный доброволец Красной Армии для повышения квалификации".

В своей первой автобиографии, названной по традиции *Curriculum vitae* 21 июня 1925 г. Д. А. Ольдерогте писал: "В 1922 г. поступил на Отделение языка и литературы (бывшее этнолого-лингвистическое) Факультета общественных наук Ленинградского государственного университета, которое и окончил в июне 1925 г. За время моего пребывания в университете слушал лекции и занимался у профессоров В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер, академика В. В. Бартольда, М. Н. Соколова, П. В. Ернштедта, Н. Н. Томасова.

Участвовал в следующих семинариях: 1) по литературным текстам Среднего Царства, 2) по историко-литературному анализу текста Манефона, 3) по древнеегипетскому языку проработан эрмитажный папирус № 1116, Лейденский папирус; в семинарии по древне-египетской литературе — I глава «Книги мертвых» и другие. Мои занятия сосредоточивались главным образом на изучении эпохи Древнего и Среднего Царства. Я работал, в частности, над изучением стиля и языка декретов VI династии из Коптоса, Дашура и Абидоса, а также по текстам, касающимся развития городов Древнего Египта. Результатом занятий явилась работа «Управитель бурга»... В последнее время моего пребывания в университете занимался вопросом о культурных взаимоотношениях Древнего Египта и Нубии, чем продолжаю заниматься и в настоящее время".

В письме И. И. Филатовой 23.VIII.85 Дмитрий Алексеевич писал, что у него рано и уже окончательно определилась склонность к историческим наукам. "Еще во время службы в армии¹ я увлеченно читал книги по средневековой истории Европы — Фруассара, Григория Турского, Павла Диакона, слушал лекции по истории в Домпросвете имени т. Глерона, ходил слушать Платонова на Высших женских курсах и т. д. Я хотел изучать социологию, в частности происхождение государства и законы развития общества".

В 1925 г. Д. А. Ольдерогге поступил на работу в Музей антропологии и этнографии АН СССР и начал работать в Отделе Африки. Уже после окончания Университета он слушал лекции и занимался в семинарах у академика Н. Я. Марра, Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. В упомянутом выше письме он пишет: "Благодарю судьбу за встречу с Л. Я. Штернбергом, работы которого я продолжил эпиграмией и многими другими статьями. Он первый указал мне на необходимость заниматься африканскими проблемами".

Руководство МАЭ ощущало настоятельную потребность в специалистах по культуре Африки. Это хорошо видно из представления заведующего африканским отделом А. В. Шмидта в президиум АН СССР. "В последние годы в силу разных обстоятельств, главным образом ослабления связей нашей страны с Западом, интересы МАЭ АН СССР направлялись преимущественно в сторону изучения народностей СССР и прилегающих восточных стран. Между тем музей Антропологии и Этнографии был и является единственным в СССР музеем мировой культуры, чьи собрания широко охватывают также и тропические страны... В видах углубленной подготовки работника по африканистике, что невозможно в СССР вследствие отсутствия соответствующих специалистов, прошу МАЭ направить в Германию научного сотрудника II разряда Д. А. Ольдерогге для специального изучения негрских и других африканских языков и этнографии, а также для подробного ознакомления с собраниями по Африке в германских музеях... Гамбурга, Берлина, Лейпцига".

Представление было поддержано директором МАЭ академиком Е. Ф. Карским. Непосредственным же организатором и инициатором поездки был, конечно, главный этнограф МАЭ Л. Я. Штернберг, направлявший занятия Д. А. Ольдерогге в первые годы его работы в Музее. Так, Дмитрий Алексеевич участвовал в семинаре по работам Дюркгейма. Занятия шли под руководством двух соратников-этнографов, в прошлом активных политических деятелей, народовольцев, отбывших по десять лет царской ссылки. Л. Я. Штернберг — среди гилжиков на Сахалине, В. Г. Богораз — у чукоч (чукчей) на северо-

¹ В частях Петроградского укрепрайона и в Гатчине. — *И. О.*

востоке Сибири. В ссылке они собрали уникальный этнографический материал, изучали языки местных народов и стали первоклассными специалистами с широким кругом интересов в общей этнографии, духовной и материальной культуре. Эти два совершенно разных и по темпераменту и по отношению к науке человека вели занятия в остро полемической форме, активно, требовательно.

Первые после окончания Университета годы Д. Ольдерогге еще продолжал заниматься египтологией. Об этом можно судить по его первым публикациям: в 1927 г. он сдал в печать свои первые доклады — "К организации пехового управления в Древнем Египте эпохи Среднего Царства" и "Управитель бурга". Это видно и по публикациям в литографированном "Сборнике египтологического кружка при ЛГУ", выходявшем малым тиражом (140 экземпляров) силами научных сотрудников Университета и Эрмитажа. В кружке также заслушивались и обсуждались доклады.

О времени с 6.X.1927 по 5.IV.1928 г., проведенном в Германии, лучше всего рассказал сам Дмитрий Алексеевич в письме к А. Б. Давидсону: "В апреле 1927 г. состоялся мой разговор с Л. Я. Штернбергом о поездке... а в октябре я уже уезжал на пароходе «Обербург-мистер Хаген» в Штеттин — морем, причем как всегда Балтика в это время года беспокойна, и мы вышли из Кронштадта при штормовых сигналах. В Германии после 3-х месяцев занятий в семинаре Д. Вестерманна я посетил Гамбург, где узнал, что Мейнхоф находится в ЮАР по приглашению правительства, и, таким образом, я был знаком с ним только по переписке. У меня сохранились 2 его письма. Из Гамбурга я проехал в Любек, где хранятся собрания Тессмана по народу фанг (Fangwe) и внимательно их изучил. Там сердечные отношения установились у меня с Карутцем, хранителем Городского Музея и специалистом по народам Средней Азии, — он бывал у нас в Средней Азии еще до 1914 г.

Затем вернулся еще до каникул в Берлин, где слушал лекции Д. Вестерманна по этнографии Африки (обычный курс), затем нубийский язык с группой нубийцев и практику со студентами Семинара восточных языков в Шарите² в фонетической лаборатории, арендуемой университетом.

На время перерыва между семестрами я решил использовать свободное время и посетить музеи Бельгии и Голландии. Наше консульство ответило на мой запрос, что против поездки не возражает, но помочь ничем не может, т. к. никаких дипломатических отношений ни с Нидерландами, ни с Бельгией у Советского правительства нет. «Вы можете действовать на свой страх и риск». Я получил транзитную визу

² Старейшая медицинская клиника Берлина.

в Голландию на несколько дней и на две недели в Бельгию. Заказал билеты в Митропе (железнодорожном агентстве, существующем и сейчас) и уехал. Остановился в Амстердаме, осмотрел Музей Народоведения при Колониальном Институте и, конечно, Национальный музей голландской живописи — картины Рембрандта, Ван Дейка, Хальса и многих других. Прожил в Голландии, легко объясняясь, т. к. язык очень понятен всем говорящим по-немецки, да и фамилия у меня чисто голландская. Побродил по городу и его каналам, поработал в Государственном этнографическом музее и нашел там очень интересные вещи: неизданные каменные рельефы. Я получил их фотографии (помнится даже с правом их издания, но они так и остались в моем архиве) и колонну — надгробный памятник французского офицера Major Crespel (4.XII.1832—14.I.1878), убитого в Южной Аравии, в Йемене, но надгробие было найдено в Танзании в 1913 г. Очевидно, рыбак захватил его на своем обратном пути как балласт. Об этой находке я упоминаю в лекциях [как пример того], что муссоны определенного времени года обеспечивают регулярную связь Африки с Йеменом, недаром там есть тоже Занзибар на Бенадирском берегу. Эта находка осталась никем не замеченной, а она в высшей степени интересна.

Далее в Бельгии я прожил в деревне около Брюсселя 11 дней и работал в Музее Бельгийского Конго в Тервюрене. Работал иной раз по 10 часов в сутки. Отношение ко мне было превосходное. Я получил разрешение, если понадобятся фото, написать, и мне пришлют. Работа с предметами протекала в подвалах, а затем по записанным номерам я рылся в актах (dossiers), а на те номера, которые я не успел отметить в dossiers, мне обещали навести справки по моему письму. Материал Musée du Congo Belge необычайно велик. В сущности для работы нужно сидеть в нем месяцами. Все же ознакомился бегло со всем музеем. Подробнее с отдельными отделами. Заведовал фондами и был директором в то время д-р Маас (Maes). Когда кончился срок [моей работы], он сказал мне, что Министерство колоний продлит мне время пребывания сколько я захочу. Однако у меня кончались деньги и нужно было возвращаться. Я работал в фондах один, зарисовывал и привез множество материалов, отданных мною потом в Музей. Среди них — по просьбе Баумана — зарисовки неопубликованных типов мотыг и метательных ножей — «денег для брачного выкупа». Мотыги я нашел исключительно редкие и зарисовки отдал Бауману, который опубликовал их в 1942 г. со ссылкой на меня. Затем... пришлось возвращаться через Кельн в Германию.

Однако заехал во Франкфурт на Майне, где во дворце князей Турн и Таксис находился Институт Л. Фробениуса. Остановился в доме «Unter drei Raben», рядом с моим домом был старинный дом «Die Hexe», на фасаде которого была изображена ведьма, по этой картине

я и ориентировался. У Фробениуса был принят сердечно и познакомился с моими сверстниками — они готовили Atlas africanus. Я познакомился с заготовками к нему, выписками, схемами карт для вычерчивания на них зон распространения культурных явлений. Много лет спустя³ в Киото в Японии я встретился с Eike Haberland'ом, ставшим уже директором Института. Делегация ФРГ сидела за столом, вспомнили Фробениуса, и Хаберланд задал мне вопрос: «Ваше мнение о нем?» Я сразу же ответил: «Er war kein akademischen Gelehrter, aber er war mehr als ein Gelehrter — er war ein Poet». Им это очень понравилось. Надо сказать, что академическая среда отвергала Фробениуса, считая его фантазером, не знающим языков, и не ученым. В частности Д. Вестерманн считал именно так. Основная работа Фробениуса «Der Ursprung der afrikanischen Kultur», В., 1898 — была отвергнута академической наукой, и он не получил за нее степени доктора наук. Так он и оставался всю жизнь вне пределов официальной науки, хотя именно ему принадлежит честь и слава создателя Kulturkreis Theorie.

Меня он привял не скажу, что очень сердечно, он не был столь открытым, но дружелюбно. Мы беседовали, точнее я почтительно слушал, спрашивал, а он произносил монологи, пышные и торжественные, взмахнув рукой он приказал: — «Фройлайн, распахните дверцы шкафа и покажите картотеку!». Мне показали тысячи карточек, выписки из книг — основу его атласа. «Все это в Вашем распоряжении, я Вам разрешаю всем этим пользоваться». Затем он предложил мне участвовать в экспедиции в Южную Африку в горы Матопо. Я писал в Академию, но ответа не получил, это было в 1928 году, процесс Рамзина и внутренние экономические трудности" (конец письма).

Сразу по возвращении Ольдерогге читает доклад "Глиняные фигурки юго-западной Абиссинии", представленный академиком Е. Карским к напечатанию в Сборнике МАЭ (т. VIII, 1928 г.). Это первая работа его уже по новой специальности — африканистике. Уже в первых документах архива часто встречается слово "африканистика". Само понятие это возникло в конце XIX в., в России же оно широко употреблялось специалистами начиная с 20-х годов нашего века. Вот как определял ее Д. Ольдерогге в своем курсе лекций "Введение в африканистику": "Африканистика — одна из историко-филологических дисциплин, стоящая в одном ряду с другими родственными ей востоковедными дисциплинами: арабистикой, индологией, китаистикой и другими. Задача африканистики — изучение языков, истории культуры и истории народов Африки. Изучение истории культуры и истории народов Африки должно вестись в тесной связи с данными антропологии, археологии, этнографии и другими научными дисциплинами".

³ В 1968 г.

Привезенные из Германии материалы послужили темами научных статей и докладов, опубликованных в 1929 г. Это статьи: "О некоторых египто-нубийских словах", "О названии обелиска", "The Deity of the Copn-Power". Целый ряд докладов: "О социальном моменте в африканском искусстве" в Институте марксизма-ленинизма, "О племенном названии берберов" в Яфетическом институте, "Об египетских собраниях некоторых музеев Западной Европы", "Некоторые замечания к стелам XI династии" и ряд других прочитаны в Египтологическом кружке. Материалы А. Краузе "Hausa Handschriften in der Preussischen Staatsbibliothek zu Berlin" (MSOS, XXXI. 1928. S. 105—107. XXVIII—LXXX), содержавшие неопубликованные тексты хауса по истории средневековых государств хауса, были прочитаны в семинаре, руководимом Ольдерогте, переведены на русский язык и вместе с другими источниками легли в основу его монографии "Западный Судан в XV—XIX вв" (М.; Л., 1960).

По возвращении из Германии Д. А. Ольдерогте уже в 1929 г. начинает читать лекции по этнографии Африки, сначала в Географическом институте (позднее превращенном в Географический факультет ЛГУ), затем в 1930 г. в Восточном институте им. А. С. Енукидзе.

В апреле 1930 г. в Яфетическом институте АН СССР создается Кабинет колониальных языков. Ученый секретарь института Л. Г. Башинджагян обращается с просьбой высказать соображения о плане работ кабинета. В представленном "Примерном плане работ Кабинета колониальных языков" отразился сложившийся к 30-м годам под влиянием взглядов Н. Я. Марра круг проблем по исторической стадильности развития языков. В 1927—1928 гг. Н. Я. Марр занимался составлением берберского словаря и записями текстов в Алжире, близ Орана. Это была третья поездка его в Африку. Интерес Марра к африканским языкам не ограничивался изучением языков Северной Африки. Одну из своих статей он посвятил исследованию средиземноморских связей готтентотского языка нама. В архиве Марра сохранились также, по свидетельству Д. А. Ольдерогте, наброски статей по языку мандинго.

Предполагалось, что Кабинет колониальных языков будет изучать следующие проблемы:

- I. 1) Связь языка с материальной культурой той общественно-экономической формации, в среде которой он бытует.
- 2) Попытки палеонтологического анализа терминов культуры материальной и социальной (кузнец — ремесленник вообще — царь — колдун; мотыга — плуг; камень — дерево — железо).
- II. 1) Разработка вопросов, связанных с проблемой единства африканских языков. Единство происхождения языков банту, суданских и хамитских.

2) Так называемая хамитская проблема. Отношения хамитских языков к нилотским и нило-хамитским.

3) Берберы в их отношении к Центральной Африке.

III. Классификация колониальных языков в постановке ее по работам индоевропейской школы. Проблема конструированного языка (прабанту, прасуданский и т. д.).

О характере работы, проводившейся Яфетическим институтом, можно судить также и по договору, заключенному с научным сотрудником Д. А. Ольдерогге 4 июля 1930 г.

ДОГОВОР

"1. Яфетический Институт поручает Д. А. Ольдерогге исследовательскую работу по выяснению термина «плуг» (по берберским языкам) и связанным с ним семантическим комплексом (плуг — мотыга, бык, пахать и т. д.).

Кроме того ЯИ поручает тов. Ольдерогге составление библиографии по вышеуказанным языкам, а также языкам нилотской группы.

Первая работа в форме доклада с нанесением материалов на карточки установленного Группой образца производственных терминов должна быть представлена не позднее 20 сентября 1930 г."

Из приведенного документа видно, что ЯИ работал очень интенсивно, обрабатывался материал огромного числа языков практически всех регионов земного шара. Языковеды работали в тесном контакте с этнографами и археологами. Так, на Всероссийском археолого-этнографическом совещании в мае 1932 г. Н. Я. Марр выступил с докладом "История материальной культуры и лингвистика". В эти годы выработывалась марксистско-ленинская методология в науке. Желание рассматривать язык в ряду других исторических дисциплин было характерно для работ Института языка и мышления им. Марра. В 1929 г. по инициативе Коммунистической академии и ее Секции материалистической лингвистики было принято решение об издании Собрания сочинений академика Н. Я. Марра. Уже к весне 1931 г. были подготовлены 2 тома работ, а в 1933 г. вышли 5 томов, в 4-м собраны работы Марра по африканским языкам.

По его инициативе в 1931 г. при Яфетическом институте была создана "Бригада по изучению языков колониальных и полуколониальных стран эпохи империализма". Бригаду возглавил ученик В. В. Струве и Н. Я. Марра И. Л. Снегирев, в меморандуме объявлялось, что бригада ставит своей задачей изучение языков в их современном виде и в связи с конкретными теоретическими и практическими задачами по национальным вопросам колоний. Работа намечалась в двух основных на-

правлениях: I. Колониальная политика и язык; II. Процесс стадийного развития колониальных языков. Полный текст документа с рукописными приписками находится в архиве Д. А. Ольдерогте, его рукой поставлена дата — 7.VIII.1931 г.

К 1931 г. относится и первая встреча Д. А. Ольдерогте с И. И. Потехиным, в то время студентом Ленинградского института живых восточных языков. За плечами И. И. Потехина были годы Гражданской войны в Сибири и партийная работа. Он пришел с предложением организовать группу студентов по изучению Африки. Так началось многолетнее сотрудничество и личная дружба двух людей, которых мы считаем основоположниками советской африканистики. И. И. Потехин проучился в ЛВИ 2 года, а затем перевелся в Москву, в аспирантуру Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ'а). Одновременно он работал и в Африканском кабинете Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП). Кафедру Африки КУТВ'а и Африканский кабинет НИАНКП'а возглавлял А. Шийк, сотрудничали с этими учреждениями и представители африканских стран. В 1934 г. в КУТВ'е обучался 4 студента из Южной Африки, у них одновременно учились языку зулу и их преподаватели. Ездил сюда и Д. А. Ольдерогте для фонетических записей зулу, для получения периодических изданий. В эти годы КУТВ получал много литературы и периодических изданий из Африки и Америки. В январе 1934 г. по инициативе А. Шийка в Москве было проведено первое совещание по африканским языкам. От Ленинграда с докладами выступили Д. А. Ольдерогте, Н. В. Юшманов, И. Л. Снегирев, в работе принимали участие А. П. Рифтин, П. А. Алексеев и Т. Л. Тютрюмова, от москвичей — И. И. Потехин, А. Шийк, Ф. Гайворонский, А. З. Зусманович, П. А. Кузнецов и другие. На своей книге "Расовая проблема и марксизм" А. Шийк сделал следующую надпись: "Тов. Ольдерогте на память о первых шагах советских африканистов (1929—1934), Москва, 24/1, 1934 г. Шийк. В день закрытия первого совещания по африканским языкам". А. Шийку принадлежит заслуга разработки первой советской программы изучения Африки. Она была обсуждена на заседании кабинета в НИАНКП в апреле 1929 г. и опубликована в журнале "Революционный Восток" (№ 8. М., 1934. С. 85—100).

В Москве изучение африканских языков и их преподавание было начато по инициативе специалистов-обществоведов, занимавшихся проблемами национально-освободительной борьбы, рабочего и профсоюзного движения в колониальных странах. В 20-е и 30-е годы в Москве под эгидой Коммунистической академии, Комиссариата по делам национальностей были созданы несколько институтов, как, например, Центральный научно-исследовательский педагогический ин-

ститут национальностей, в котором тоже изучались африканские языки.

В Ленинградском университете преподавание и изучение африканских языков было начато в 1934 г., когда по инициативе А. П. Рифтина на Филологическом факультете была создана семито-хамитская кафедра с африканским отделением. По инициативе А. П. Рифтина и под его редакцией в эти же годы было начато издание замечательной серии "Строй языков". В 1934 г. был произведен первый набор студентов на африканское отделение. Преподавание амхарского языка и хауса вел Н. В. Юшманов, он впервые прочел курс "Введение в африканское языкознание"; языки суахили и зулу преподавал Д. А. Ольдерогте.

В 1934 г. Н. В. Юшманов, И. Л. Снегирев, П. А. Алексеев составили Группу африканистов в Институте языка и мышления (позднее Институт языкознания). Эта Группа подготовила ряд статей, опубликованных в изданиях трудов ИЯМ'а. Особенно интенсивно работали в 30-е годы И. Л. Снегирев и Н. В. Юшманов. Начиная с 1936 г. одна за другой выходят три работы последнего, которые до сих пор высоко ценятся специалистами: "Строй амхарского языка", "Строй языка хауса", литографированный курс "Введение в африканское языкознание". Группой африканских языков в 1937 г. был издан сборник статей "Africana". В нем помимо языковых статей и рецензий-обзоров иностранной литературы была опубликована первая в СССР Библиография африканских языков. К сожалению, во время войны Группа прекратила свое существование, П. А. Алексеев умер во время блокады, И. Л. Снегирев ушел на фронт, попал в плен и в 1946 г. погиб в лагере, посмертно реабилитирован. Судьбой их незаконченных работ и рукописей, насколько мне известно, никто не занимался. Фонд И. Л. Снегирева в Архиве РАН содержит лишь документы к биографии. В личном архиве Д. А. Ольдерогте находится рукописный некролог о кончине П. А. Алексеева, подписанный Снегиревым. В нем он сообщает, что накануне войны П. А. Алексеев работал над "Классификацией имен существительных в языке суахили", им была подготовлена к печати статья "Класс лиц в именах существительных языка суахили". Возможно, эти материалы и сохранились.

Уже в 1944 г. возобновились занятия на Кафедре египтологии и африканистики ЛГУ. На кафедре вели занятия профессора Д. А. Ольдерогте, М. Э. Матье и И. С. Лурье, преподаватели Т. Л. Тютрюмова и позднее И. П. Строганова (Жданова). Заведовал кафедрой Н. В. Юшманов, которого в 1943 г. избрали членом-корреспондентом АН СССР. Однако лишения военных лет подорвали его здоровье, и он скончался 2 апреля 1946 г. Кафедру принял Д. А. Ольдерогте. В 1949 г. она была реорганизована и стала заниматься только проблемами Африки. Д. А.

Ольдерогте бесценно руководил ею до 1987 г. Сотрудниками кафедры были подготовлены учебные пособия: И. П. Строгановой "Хрестоматия языка суахили. С кратким грамматическим очерком и словарем" (Л., 1950, 104 с.); Д. А. Ольдерогте "Язык хауса. Краткий грамматический очерк и словарь" (Л., 1954, 170 с.); Т. Л. Тютрюмова "Амхарский язык. Ч. I. Хрестоматия" (Л., 1960, 304 с.).

В первое послевоенное десятилетие Кафедрой африканистики ЛГУ были подготовлены кадры научных специалистов и преподавателей, составившие группу по изданию словарей в Институте этнографии АН СССР, Кафедру африканистики МГИМО. Ряд выпускников кафедры работают в Центральном радиокомитете, Издательстве литературы на иностранных языках и в ряде институтов Москвы. Кафедра также готовила специалистов из стран Европы (ГДР, ЧССР, ПНР, КНР) и Африки.